

Р. М. Гусейнов

ЧТО И ДЛЯ ЧЕГО ИЗУЧАЕТ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ?

Обычно, когда преподаватели в первый раз входят в аудиторию к только что принятым на учебу студентам, они начинают с того, что рассказывают насколько важна их наука для будущей работы экономиста. Одни уверяют, что без умения применять современные методы математического анализа экономист не сможет решать элементарные хозяйственные задачи, другие, — что без знания психологии или социологии нельзя будет управлять коллективом, третьи обосновано доказывают, что самой главной дисциплиной в системе экономического образования является экономическая теория. Нам, преподавателям истории экономики, казалось бы, невозможно этим похвастать. Нельзя же, в самом деле, уверять студента в том, что если он не будет знать систему управления храмовым хозяйством в Древнем Египте или формы собственности на землю в период царствования Ивана Грозного, он не сможет эффективно трудиться в современной промышленной фирме или в банке.

Наш предмет действительно относится к тому циклу экономических дисциплин, который имеет скорее просветительский, чем практически-прикладной характер. Наша главная задача — это расширение кругозора студентов, формирование общей экономической культуры молодого поколения. И хотя, на первый взгляд, наш предмет совершенно бесполезен, интерес к истории экономики никогда не гаснет среди читающей публики, а среди экономистов наша наука всегда вызывала обостренное внимание. Еще в 1903 году выдающийся российский историк Е. В. Тарле отмечал особый интерес российской общественности к экономической истории. По его свидетельству, книги по истории народного хозяйства (так в то время назывался наш предмет) были наиболее читаемыми среди всей исторической литературы¹.

Образованные люди, обладающие хотя бы элементарной экономической культурой, прекрасно понимают, что все сегодняшние экономические процессы, происходящие в стране и в мире, всего лишь — краткий миг в реке времени. В каждый данный момент мы выходим из прошлого и устремляемся в будущее. И, в определенной мере, все мы зависим и от прошлого, и, как это ни странно звучит, от будущего. Если мы хотим сформулировать свои ожидания на будущее, мы невольно будем обращаться к прошлому. Там — наши корни, там — истоки наших достижений и провалов, там — причины многих великих открытий и не менее великих заблуждений. Казалось бы — это банально, но послушаем что говорят великие ученые.

Быть экономистом — и очень интересно, и очень ответственно. Вот как характеризует эту профессию Дж. М. Кейнс: *«...экономист высшей пробы должен обладать редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объемом знаний в самых разных областях и сочетать в себе таланты, которые редко совмещаются в одном лице. Он должен — в известной мере — одновременно быть математиком, историком, государствоведом, философом. Он должен понимать язык символов и уметь выражать свои понятия и концепции словами. Он должен уметь разглядеть в частном общее, одновременно держать в уме и абстрактное, и конкретное. Он должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего. Ни одну сторону природы человека и его институтов экономист не должен полностью оставлять без своего внимания. Он должен быть одновременно целеустремлен и объективен, беспристрастен и неподкупен, как художник, но вместе с тем иногда столь же близок к реальной жизни, как и политический деятель»*².

Задумайтесь, читатель, над этой фразой. И вникая в каждое ее слово, обратите внимание на то, что экономисту, почему-то надо быть еще и историком.

Многие выдающиеся экономисты, в том числе нобелевские лауреаты, с большим уважением относятся к историко-экономическим исследованиям. Назовем несколько имен: А. Смит, К. Маркс, Дж. С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, В. Леонтьев, М. Фридман, Дж. К. Гэлбрейт, С. Кузнец, Дуглас Норт. Все они — всемирно известные экономисты. В россий-

ской традиции тоже глубоко осваивали эту науку. М. И. Туган-Барановский, В. И. Ленин, Н. Д. Кондратьев, — вот хотя бы три выдающихся имени, без которых немыслима отечественная экономическая наука.

Что мы изучаем?

Начну с того, что точно определить предмет нашей науки не так уж просто. Наука наша относительно молодая, развивающаяся (ей не более ста лет), и предмет ее не вполне устоялся. Более того, ее даже по-разному называют: одни — «историей экономики», другие — «экономической историей», третьи — «историей народного хозяйства», в прошлом веке ее называли «историей хозяйственного быта».

Послушаем, что по этому поводу говорят специалисты.

Д. Я. Майдачевский обращает внимание на то, что в марксистском варианте история экономики не имеет отличного от политической экономии предмета. Й. Шумпетер, подвергнувший критическому анализу экономические построения К. Маркса, особо выделял тот факт, что Маркс «был первым экономистом высокого ранга, увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ и как историческое повествование можно обратить в *histoire raisonnée* [обоснование истории]»³. **Предмет истории экономики — изучение развития способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков** — не выходит за рамки предмета политической экономии, оставляя за собой чаще «нижний этаж» способа производства — **«развитие производительных сил в исторически определенных формах производственных отношений»**⁴. В самом деле, когда вы читаете хотя бы первый том «Капитала», то обнаруживаете, что почти половина текста — это мастерски подобранный исторический материал, с большей или меньшей достоверностью подтверждающий созданную Марксом теоретическую картину противоречий капиталистической экономики и буржуазного общества в целом.

Русский экономист П. П. Маслов отождествлял историю экономики с историей производительных сил, с формами их распределения и перераспределения⁵. Историк Д. М. Петрушевский понимал под экономической историей науку, воссоздающую хозяйственную эволюцию стран мира, «внося в эту

картину то общее, что можно наблюдать в эволюции каждой из стран... и отмечая все индивидуальное». Иными словами, комментирует Д. Я. Майдачевский, перед наукой стоит задача определить характерные черты той или иной эпохи, соединить эти отдельные элементы в единое целое, но уже не в их конкретно-исторической, а в общеисторической определенности⁶. Напротив, экономист П. Б. Струве видел задачу экономической истории в «историческом истолковании систематических категорий политической экономии»⁷.

Принципиальный спор заключался в поисках ответа на вопрос: кто кому служит — история теории или теория истории. Думается, что сегодня здесь можно найти компромисс, согласившись с тем, что *экономическая теория (политическая экономия) и история экономики — две самостоятельные науки, развивающиеся во взаимном обогащении*.

Выдающийся польский экономист *Оскар Ланге*, отдавший в свое время дань марксизму, решает проблему с завидной простотой. Он рассматривает политическую экономию, экономическую историю и конкретную экономику (а также статистику и экономическую географию) как «экономические науки» или науки, трактующие об экономическом процессе. В противоположность политической экономии как науке теоретической экономическая история и конкретная экономика «изучают развитие конкретных экономических процессов, происходящих в определенное время и в определенном месте»: экономическая история — в прошлом, конкретная экономика — в настоящем. О. Ланге пишет: «Изучение конкретных экономических процессов требует знания экономических законов, управляющих этими процессами. Поэтому экономическая история и конкретная экономика должны пользоваться результатами исследований политической экономии. Одновременно они доставляют политической экономии знание конкретных экономических процессов, необходимое для того, чтобы теоретические обобщения политической экономии соответствовали действительности»⁸.

Впрочем, поиск взаимосвязей и взаимодействий между историко-экономической наукой и политической экономией — не единственный, да и не главный сюжет современных ученых.

М. П. Рачков — один из самых интересных исследователей историко-экономических проблем России строго различает «экономическую историю» и «историю экономики», считая,

что последняя есть структурная часть первой наряду с историей экономической политики и историей экономической мысли. Собственно *«история экономики» есть объективный процесс экономического развития как он предстает перед исследователем в реально осуществленных исторических формах*. Автор предлагает «новый взгляд на экономическую историю как научную дисциплину, которая до последнего времени ограничивалась по преимуществу историей народного хозяйства. Она рассматривает историко-экономический процесс в единстве его объективной (история экономики) и субъективной (история экономической мысли и экономической политики) сторон, отображая тем самым неповторимый колорит национальной экономической жизни»⁹.

Однако М. П. Рачков чрезмерно расширительно трактует предмет нашей науки: «Экономическая история в новом ее понимании не есть история только народного хозяйства или только материального базиса общества; она охватывает жизнь всего общества в единстве и базиса и надстройки, и материального и духовного производства или, точнее, всю культуру общества, развивающуюся на принципе экономии низших форм человеческой деятельности в пользу высших ее форм, обеспечивающих цивилизационный прогресс»¹⁰. Такая трактовка дает большую свободу творчеству, позволяет искать неэкономические факторы, воздействующие на экономику, но в то же время несколько размывает и предмет, и объект исследования нашей науки.

Н. И. Полетаева, белорусский автор, рассматривает проблему несколько иначе, различая в *экономической истории*:

- экономическую историю различных стран, регионов, мира в целом (объектом изучения является экономические причины и последствия отдельных исторических событий, экономическая политика государств, классов);

- историю народного хозяйства (объектами изучения являются эволюция способов производства, история хозяйственных механизмов, история отраслей хозяйства, история отдельных экономических процессов — урбанизации, кооперирования, индустриализации; история экономических институтов — налогов, цен, финансов и кредита, заработной платы);

- историю экономической мысли (объектами изучения являются история экономических теорий, история отдельных теорий, история методов экономического анализа).

Что касается предмета экономической истории, то Н. И. Полетаева полагает, что можно говорить о предмете экономической истории в широком и узком смысле слова. *В широком смысле предметом экономической истории является «экономическое движение» общества, особенности его изменений, трансформация закономерностей такого движения, их связь со всеми сторонами общественной жизни. В узком смысле — это изучение хозяйственной деятельности народов различных стран, развития их производительных сил, смены способов производства¹¹.*

В отличие от М. П. Рачкова и Н. И. Полетаевой, я намеренно использую термины «история экономики» и «экономическая история» как синонимы, так как пока веских доказательств того, что это действительно серьезно различающиеся понятия, не представлено. Впрочем, ученые всегда могут договориться друг с другом по поводу той или иной дефиниции, как это делают математики или физики. Можно, например, признать, что это действительно две науки, которые исследуют один и тот же объект, но разными методами.

Скажем, С. Ф. Гребениченко, не считая тождественными эти понятия, предлагает различать их не столько по содержанию исследуемых объектов, сколько по инструментарию частнометодологического уровня. По мнению этого автора «экономическая история оперирует, по большому счету, методом (в его широком смысле), присущим науке economics, но прилагает его к ретроспективному анализу долговременных процессов, причем с целью позитивного создания на эмпирическом материале новых (или проверки «поведения» старых) экономических теорий и концепций. Как правило, основное (но не единственное) значение такого рода работ — в использовании их результатов в повседневной практике принятия крупномасштабных управленческих и политических решений. История экономики же (т.е. то, что у нас в историографии долгое время условно называют историей социально-экономического развития, историей народного хозяйства и иначе) оперирует методом (опять же в его широком смысле), характерным для собственно науки истории... Она преследует, главным образом, задачи выявления фона, условий, причин экономических событий, объяснения их последствий, отчасти аналитической реконструкции конкретных экономических процессов. В ней если уж и привлека-

ются определенные устоявшиеся (в том числе, и экономические) теории, то преимущественно как средство интерпретации конкретных исторических фактов, тенденций. *История экономики*, в отличие от *экономической истории*, видимо, аксиологически не привержена и к столь выпуклой направленности на значимый — для практического управления — результат»¹².

Любопытно, что существует диаметрально противоположное мнение по поводу различий между *историей экономики* и *экономической историей*. И. М. Супоницкая пишет: «Мировая экономическая историография находится сейчас на перепутье. В ней сложилось два основных направления: история экономики и экономическая история. В первом, характерном для англоязычных стран, преобладают экономисты. Его возглавляет американская «новая экономическая история». Инициаторами второго направления, тяготеющего к социально-экономическому анализу, являлись представители французской школы «Анналов», которые стали рассматривать экономическую историю в контексте истории общества.

Полагаю, что второе направление более перспективно... Понимание экономической истории России невозможно без понимания специфики развития ее цивилизации в целом, поскольку экономика в ней никогда не играла определяющей роли, развиваясь под влиянием государства. Французские историки поняли, что изучение средневековой экономической истории в понятиях современной экономической науки приведет к модернизации ее, а потому стали рассматривать ее через призму культуры средневековья, перейдя к проблемам ментальности»¹³.

Вот, дорогой читатель, образчик того, как плохо слушают друг друга ученые. Два соседствующих в одной книжке автора вряд ли смогут договориться. Если для С. Ф. Гребениченко экономической историей занимаются экономисты, а историей экономики — историки, то для И. М. Супоницкой, напротив, историей экономики занимаются экономисты, а экономической историей — историки.

Вы запутались, читатель? Лучше все-таки считать эти термины синонимами.

Наконец, послушаем еще одного автора, не считающего необходимым искать тесные и непосредственные связи истории экономики с теоретической наукой. Вот что пишет М. Я. Лойберг: «История экономики изучает происхождение и развитие

различных *типов* хозяйства. Именно типов, а не *общих законов* развития экономики, поскольку открыть эти *общие законы* экономики до сих пор никому не удалось. У большинства народов, как известно, *существуют различные типы* экономики, которые с определенным основанием можно назвать *цивилизациями*. В нынешней России, например, функционируют государственные, частновладельческие, кооперативные, артельные индустриальные и аграрные хозяйства, современные супермаркеты сосуществуют с древними базарами и торговлей с рук, электрифицированные фермы — с кочевым скотоводством и коллективной охотой на крупных животных. Состояние экономики и определяется характером взаимоотношений между хозяйственными типами. При относительной гармонии между ними каждый тип хозяйства имеет возможность дальнейшего развития, и народ, естественно, выигрывает от этого. Но известно и насильственное вытеснение из экономики большинства сложившихся хозяйственных типов и установление полного господства одного из них. В результате народное хозяйство развивается односторонне, деформируется образ жизни населения и в большинстве случаев народ, понеся колоссальные потери, снова возвращается на путь гармоничного развития хозяйства»¹⁴.

Обратим внимание на основополагающую мысль, крайности в реализации которой довольно часто встречаются в литературе: никаких всеобщих универсальных законов экономического развития не существует. Основание для этого утверждения любопытное: раз мы (точнее, цитированный автор) их не знаем, значит их и не существует. А посему история экономики не может претендовать на поиск каких-либо закономерностей. Ведь нельзя искать то, чего нет. Каждый экономический организм соответствует с различной степенью приближения определенному типу хозяйства, который условно можно назвать цивилизацией. Их-то и должна изучать и систематизировать история экономики. Систематизировать, вовсе не обязательно понимая, как они, эти типы, функционируют.

Мысли не новые. Во-первых, они уводят нас к старому труду выдающегося немецкого ученого *Фридриха Листа* «Национальная система политической экономии» (1841), в котором он резко выступил против «космополитизма» английских классиков — А. Смита и Д. Рикардо. «Как характерное отличие выдвигаемой мной системы, — писал Лист, —

я утверждаю национальность. Все мое здание основывается на природе нации как среднего члена между индивидуумом и человечеством»¹⁵. Отрицая существование всеобщих и универсальных экономических законов, он предлагал исследовать прежде всего особенности национальной экономики, ставя перед собой практическую цель выработки рекомендаций для экономической политики. Так, апология свободы внешнеэкономической деятельности, содержащаяся в трудах А. Смита и Д. Рикардо, не соответствует национальным интересам Германии и ее молодой буржуазии. Более того, эта апология прямо направлена против континентальной Европы и теоретически оправдывает английскую экономическую экспансию. Для Германии должна быть характерна иная экономическая политика, основанная на «воспитательном протекционизме». Если рассматривать внешнеэкономическую деятельность с точки зрения абстрактной теории, то, учитывая рикардианские «сравнительные преимущества», Германия вовсе не должна развивать целые отрасли промышленности. Но национальные интересы могут быть выше чисто экономического интереса. Чтобы вовлечь в производство неиспользованные ресурсы, чтобы преодолеть отсталость, необходимо развивать отрасли, в которых производительность труда в данный момент ниже, чем за границей. Лист писал: «Эту потерю стоимостей надо, следовательно, рассматривать лишь как цену за промышленное воспитание нации»¹⁶. Нация тем богаче и могущественнее, чем больше она экспортирует промышленных изделий и чем больше она импортирует сырья.

Вопреки мнению классиков, германское государство должно активно вмешиваться в экономику с целью создания единого общенационального рынка и защиты национальной экономики от конкуренции со стороны иностранных, прежде всего английских, предпринимателей.

Во-вторых, эта позиция в своих крайних проявлениях может привести к тому, что история экономики станет просто фактографическим справочником. А ведь стремление к обобщениям, поиск закономерностей должны быть присущи любой уважающей себя науке по определению. И, кстати сказать, если бы история экономики действительно смогла создать хороший «каталог» типов национальных хозяйств, показать их взаимодействия и взаимные переходы, — это уже был бы весо-

мый шаг к открытию закономерностей социально-экономического развития человеческого общества. Но смогут ли сделать это ученые, заведомо отказавшиеся от самой идеи их — закономерностей — существования?

Если «закономерности» постепенно, но на время, исчезают из историко-экономических трудов в связи с отказом от формационной теории развития, то это вовсе не означает, что на другой методологической базе они никогда не будут открыты¹⁷.

Все это еще не так страшно для науки и образования. Существуют мнения похлеще. Некоторые авторы вообще отрицают познаваемость экономики, начиная с ее прошлого: «Во-первых, при потенциальной многовариантности реализуется лишь один вариант, и принципиально невозможно просчитать и доказать, был ли он оптимальным. Можно лишь предполагать, принимая во внимание не поддающиеся количественному измерению политические, моральные, военные факторы. При оценке прошлого общественное мнение может склониться в любую сторону, которая представлена, к примеру, либо единственным монопольным мнением, либо большинством голов, либо разоружающим красноречием. Во-вторых, сходные непреодолимые трудности возникают при ретроспективном анализе самого реализованного варианта развития, при выяснении вопроса, что на него действовало в большей, а что в меньшей мере, и все ли известно из того, что действовало.

В-третьих, в каждый момент невозможно охватить все хитросплетения текущего экономического развития.

Экономика как таковая — абсолютная истина, и нам доступна лишь ее малая часть. Обладая лишь истиной относительной, мы употребляли в советскую эпоху всю мощь государственного аппарата для формирования процесса, масштабы, структура и характер которого нам не были ясны с самого начала. Именно здесь и кроется природа прошлых экономических ошибок»¹⁸.

Узнай об этом студент раньше, он бы не стал поступать в экономический вуз. Что в нем делать, если сами ученые признают, что ничего не понимают в той науке, которой они занимаются? Успокою читателя: ученые — нормальные люди, и им тоже присущи кокетство и своеобразный снобизм.

Как видим, не все так просто, как может показаться с первого взгляда. Но радует то, что споры вокруг предмета и даже

названия науки лишний раз доказывают, что это живая, развивающаяся (и развивающая научную мысль) система знаний.

Что же делать учащемуся, к какому определению примкнуть, кому поверить?

Верить не надо никому. Надо постараться самому сформулировать определения, прийти к каким-то заключениям. Но сделать это можно, только овладев большим массивом историко-экономических и теоретических знаний, свободно манипулируя ими в своем сознании.

А пока хочу предложить компромиссное определение предмета истории экономики.

В конечном итоге *история экономики является наукой об экономической жизни людей в различных культурах и обществах, рассмотренной ретроспективно. Она, систематизируя факты экономической действительности, может выявлять и формулировать закономерности экономических аспектов человеческой деятельности и выдвигать на этой базе гипотезы развития человеческого общества.*

Поскольку речь идет об экономической жизни, то в поле зрения экономиста-историка должен попасть весь процесс исторического развития общественного производства в конкретных формах отдельных стран в различные эпохи, экономическая политика государств, сдвиги, происходящие в развитии производительных сил.

Для чего мы изучаем историю экономики?

Круг интересов экономистов-историков велик. На международных конгрессах по экономической истории, которые собираются с 1960 года, рассматриваются проблемы экономического роста, циклов конъюнктуры, индустриализации и урбанизации, аграрной истории, генезиса и развития капитализма, демографии, эволюции производственных структур, общественных институтов и самого человека — homo economicus, методологии истории экономики. В последние три десятилетия усиленно развивается новая ветвь историко-экономической науки — *клиометрика*, предполагающая применение эконометрики в экономической истории, то есть изучение истории с использованием продвинутых математических методов обработки данных и их анализа.

Чего же добиваются ученые, изучая историю экономики?

Во-первых, это просто интересно (тому, кто интересуется экономикой или вообще чем-либо интересуется). История экономики расширяет кругозор экономиста-профессионала, делает его более культурным, интеллигентным и интересным человеком. Вовсе не обязательно знать факты для подтверждения какой-либо теории или амбициозно намереваясь создать новую теорию. Их надо просто знать. Ведь в истории факт имеет самодовлеющую ценность. Исследователи умеют время от времени находить в прошлом что-нибудь этакое, что может в корне изменить наше представление об истории. Вряд ли неспециалист знает, что, скажем, первые частные банки появились в VII веке до Р. Х. в Нововавилонском царстве, т.е. 2700 лет назад. Сам по себе факт интересен, особенно в свете наших школьных представлений о господстве натурального хозяйства в эпохи, предшествовавшие капитализму. Этого уже достаточно. Но когда мы вдруг узнаем, что первый частный коммерческий банк в России был создан только в 1864 году, у нас возникают кое-какие невеселые мысли по поводу пресловутой отсталости России. Однако, не будем торопиться с размышлениями о нашей отсталости. Это еще надо проверить. Очень может быть, что Россия просто не нуждалась в этом очень мощном институте рыночной экономики, обходилась без него...

Однако история все-таки может понадобиться, **во-вторых**, для исторической иллюстрации экономических теорий, подтверждения их верности, или для исторической критики теоретических построений, когда факты опровергают те или иные теоретические постулаты. Наконец, исторические факты, хорошо изученные, систематизированные и проанализированные могут стать основанием для создания новых экономических теорий.

Впрочем, факты бывают весьма коварными, если с ними обращаться вольно или с корыстными целями. Фактов в истории так много, что, проводя определенную *селекцию*, можно доказать с их помощью что угодно. Можно, например, в русской истории обнаружить постоянное обострение классовой борьбы между феодально-зависимыми крестьянами и землевладельцами, а можно найти десятки опубликованных фактов компромиссной и дружеской даже формы общения между помещиками и крепостными. Можно восстание Емельяна Пугачева охарактеризовать как великую крестьянскую войну за права человека, за землю и волю, а можно — как реакционное выступле-

ние, направленное против прогрессивных преобразований Екатерины Великой. При этом вовсе не обязательно обманывать читающую публику. Порой такие невинные шутки происходят непроизвольно, из-за априорно сформулированных теоретических выводов, которые возникли не в результате исследования исторических фактов, а еще до того, как исследователь приступил к социально-экономическому материалу. Тогда и возникает соблазн селекции. Ученый будет скрупулезно указывать источники, из которых почерпнуты факты, тщательно цитировать своих предшественников, добросовестно составлять таблицы и графики. В результате сложится впечатление, что автор абсолютно объективен. И никому не будет известно, что ученый может при всем этом просто замалчивать факты, доказывающие иное, но проигнорированные или просто не замеченные автором из-за психологической настроенности на готовые выводы¹⁹.

В русской истории такого рода казусы случались сплошь и рядом. Скажем, экономисты, принадлежавшие к «западническому» или «славянофильскому» лагерям спорили друг с другом вооружившись достоверными фактами. Но при этом одни доказывали необходимость капиталистического развития России по европейским образцам, другие настаивали на самобытности, самостийности и «некапиталистичности» страны. Случалось, что один и тот же автор пересматривал свои взгляды в зависимости от ситуации. Например, В. И. Ленин в самом конце XIX столетия написал прекрасную историко-экономическую книгу «Развитие капитализма в России», где в полемике с неонародниками безукоризненно доказал не только возможность, но уже и наличие системы капиталистических производственных отношений в России. Но после поражения первой русской революции 1905–1907 годов он вынужден был признаться, что сильно преувеличивал степень развитости капиталистических производственных отношений²⁰.

Означает ли все это, что в исторических науках нельзя доискаться до правды?

По всей видимости, в науке не может быть одной правды на все времена и для всех исторических ситуаций. Скажем, А. Смит описал относительно гармоничную и вполне компромиссную модель рыночной экономики. К. Маркс же дал лучшее описание противоречивого и конфликтного рыночного мира. Кто из них прав? Как ни странно, — оба. В рыночной

экономике есть и то, и другое. Если действительно существует закон единства и борьбы противоположностей, то в науке вполне возможна ситуация, когда один исследователь предпочитает рассматривать «единство», а другой концентрирует внимание на «борьбе». Помимо всего прочего, многое зависит от личных пристрастий исследователя, от его биографии и даже от характера. И только знакомство со всеми, подчас противоположными, взглядами даст возможность для широкого и по возможности достоверного подхода к экономической истории.

Значение историко-экономического исследования проявляется не только в установлении общественно-экономических закономерностей исторического развития, но и в конкретных случаях хозяйственной практики. К истории хозяйства профессионал-экономист обращается (осознавая или не осознавая это) буквально на каждом шагу. Даже если он занимается бухгалтерским учетом, анализом хозяйственной деятельности, финансами и кредитом, экономикой отдельных отраслей хозяйства. А что касается менеджмента, то в нем на практике ничего нельзя добиться, если не знать историю предприятия или отрасли, которыми руководит менеджер.

Нельзя в принципе научиться основам экономического мышления, не научившись представлять хозяйство на всех (микро- и макро-) уровнях в его историческом аспекте.

Вот как характеризует значение истории для экономики один из основателей современной клиометрики Дональд МакКлоски: «История, независимо от того, можно ли ее использовать для непосредственной проверки экономических законов или выработки экономической политики, представляет собой коллективную память и является источником мудрости»²¹. Практическая ценность истории экономики по МакКлоски сводится к следующему.

1. История дает экономисту *больше информации*, с помощью которой он может проверять свои убеждения.

2. История дает экономисту *лучшее качество* экономических фактов, так как *история более открыта* для исследований, чем современность. История — это лаборатория общества.

3. Экономическая история способствует *улучшению качества экономической теории*. Даже самый презирующий историю экономист кое-что из истории использует: свой собственный опыт, опыт своего поколения или некие историчес-

кие обобщения, которыми полон фольклор даже самых изысканных обществ.

Вклад истории в теорию состоит не только в том, что она льет воду на мельницу теоретиков. Использование теории в экономической истории украшает теорию и испытывает ее, и в этом отношении экономическая история не отличается от других разновидностей прикладной экономики. Хорошая экономическая история — это просто хорошая прикладная экономика. Самые давние события можно анализировать при помощи современного инструментария. Но и старые проблемы, казалось бы вычеркнутые из теории, возвращаются в нее благодаря изучению истории.

4. История экономики способствует *улучшению качества экономической политики*. Не много есть сфер интеллектуальной деятельности, где некачественная работа может принести столько вреда, как в экономике и в истории. Способность ложных экономических аргументов или ложных исторических аналогий нанести вред обществу очевидна: псевдоэкономика меркантилизма в течение многих веков сокращала торговлю и защищала предпринимателей; псевдотеория арийской «расы» облагородила лицо германского фашизма. Вдвойне пагубно если скверная экономика соединяется со скверной историей в скверной экономической истории. Идеи экономистов и историков и когда они правы, и когда ошибаются имеют гораздо большее влияние, чем принято думать. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голос с неба, основывают свой бред на экономических событиях, происходивших несколько лет назад. Люди практические, которые считают себя свободными от всякого исторического влияния, обычно бывают рабами исторических аналогий.

Одна из целей истории — расширение наших представлений о возможном. Понимание подлинной истории, как и исправление истории ложной, важно для государственной политики, потому что у экономиста, чья память ограничена недавним прошлым, суженое представление о возможном. Восхваляя или критикуя сегодняшние правительства, мы можем быть вольными или невольными рабами исторических аналогий, но все равно мы рабы.

5. История экономики способствует *улучшению качества экономистов*. История — стимул для воображения экономи-

ста, она очерчивает и расширяет границы его ремесла. Экономист без исторических знаний отличается узким взглядом на сегодняшние события, приверженностью к текущим, мелким экономическим идеям, неспособностью оценивать сильные и слабые стороны экономических данных и отсутствием умения прилагать экономический анализ к крупным проблемам.

История — это кладовая экономических фактов, проверенных скептицизмом, это собрание экспериментов, испытывающих экономическую науку на прочность, это источник экономических идей и наставник в политике²².

Пожалуй, не стоит портить эти тезисно изложенные идеи крупного ученого собственным комментарием. Читателю, особенно студенту, лучше самому взяться за поиск ответа на вопрос: стоит или не стоит тратить время на изучение истории экономики.

Примечания

¹ См.: *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1957. С. 300–302.

² *Кейнс Дж. М.* Альфред Маршалл, 1842–1924 // *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. I. М., 1993. С. 11–12.

³ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 83–84.

⁴ *Майдачевский Д. Я.* Теория развития хозяйства К. Бюхера и дискуссия о предмете экономической истории в русской историко-экономической литературе начала XX века // *Историко-экономический научный журнал.* Иркутск-Чита, 1997. № 1. С. 38.

⁵ См. там же.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Цит. по: Предмет экономической истории в современной литературе европейских стран социализма. Научно-аналитический обзор. М., 1978. С. 25.

⁹ *Рачков М. П.* Новая концепция экономической истории России // *Вестник Иркутской государственной экономической академии.* 1997. № 11. С. 19.

¹⁰ *Рачков М. П.* Новая концепция экономической истории России: опыт научного отчета // *Историко-экономический научный журнал.* Иркутск-Чита, 1997. № 1. С. 59.

¹¹ Экономическая история зарубежных стран. Курс лекций / Под общ. ред. В. И. Голубовича. Мн., 1996. С. 6–7.

¹² Экономическая история. Обзорение. Выпуск I. / Под ред. В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. М., 1996. С. 46–47.

¹³ Там же. С. 64–65.

¹⁴ Лойберг М. Я. История экономики: Учебное пособие. М., 1997. С. 4.

¹⁵ Цит. по: Аникин А. В. Юность науки. М., 1979. С. 312.

¹⁶ Цит. по: Аникин А. В. Юность науки. М., 1979. С. 312. Эта проблема весьма актуальна для современной России, структура экспорта и импорта которой оставляет желать лучшего.

¹⁷ Среди российских ученых, особенно старшего поколения, осталось немало ортодоксальных сторонников формационной доктрины. Они-то в своих трудах неизменно говорят о законах и закономерностях. Например, М. З. Бор так определяет содержания науки, названной им «История мировой экономики»: «Система знаний об общих закономерностях процесса генезиса, формирования и функционирования мировой экономики и специфики этого процесса в разных странах». Предметом же науки является «исследование общих и локальных закономерностей становления и развития мировой экономики с учетом специфики отдельных стран» (Бор М. З. История мировой экономики: конспект лекций. М., 1998. С. 13).

¹⁸ Федоров В., Бойко С. Природа экономических ошибок // Независимая газета. 1994. 4 января. С. 4.

¹⁹ Очень уважаемый мной К. Маркс тоже впадал в «грех селекции». Написав в тридцатилетнем возрасте в соавторстве с Ф. Энгельсом «Манифест Коммунистической партии», он потом всю жизнь искал, обрабатывал и умело использовал экономические факты для доказательства верности своих коммунистических выводов. И он добился-таки своего. Логика «Капитала» безупречна: всё построение книги, все теоретические посылы и вся историко-экономическая «фактура» с железной необходимостью приводят к выводу о том, что «экспроприаторов экспроприируют». Однако все оказалось не так просто и логично в жизни. А случилось это потому, что кроме фактов, доказывающих острую конфронтационность буржуазного общества, можно найти тысячи фактов сотрудничества и компромиссов. Но поскольку эти факты не могли «играть» на предварительный вывод, от них нужно было просто «абстрагироваться». В результате «практика не подтвердила истину».

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 269.

²¹ THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 109.

²² МакКлоски Д. Н. Полезно ли прошлое для экономической науки? // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 107–131.